

УДК 81:39
ББК 81:2
Т 39

*Печатается по рекомендации
Учебно-методической комиссии
факультета ВМК КГУ*

Научный редактор –
докт. физ.-мат. наук, проф. В.Д.Соловьев
Рецензенты:
докт. филол. наук, проф. КГУ А.А.Аминова;
докт. филол. наук, проф. МГУ А.А.Кибрик

Т 39 Типология аргументной структуры и синтаксических отношений
сборник статей / Под ред. В.Д. Соловьева, Б. Комри, П. Суйхконен. – Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. – 126 с.

ISBN 978-5-98180-557-8

Сборник включает избранные доклады международного симпозиума “Типология аргументной структуры и синтаксических отношений”, состоявшегося в Казани в 2004 г. Симпозиум входит в серию “Языки Европы, Северной Центральной Азии”.

В статьях на материале различных языков исследуются актуальные проблемы типологии и синтаксиса. Может представлять интерес для лингвистов различных специальностей.

УДК 81:
ББК 81:

ISBN 978-5-98180-557-8

© Казанский государственный
университет, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Традиция проведения международных симпозиумов по языкам Европы, Северной и Центральной Азии, инициатором которых являются Пиркко Суйхконен (Хельсинский университет) и Бернард Комри (Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, Лейпциг), была заложена в 2001 г. в Ижевске, где состоялся первый симпозиум по дейктическим системам и квантификации. Тогда же появилась аббревиатура LENCA (*Languages of Europe, North, and Central Asia*) и было принято решение о проведении серии симпозиумов по различным аспектам языков этого региона. Проводить такие встречи решено в тех местах, где говорят на языках, не относящихся к наиболее распространенным и представляющих теоретический интерес. Непременным условием является, конечно, и наличие крупного лингвистического исследовательского центра.

Второй симпозиум серии LENCA состоялся 11-14 мая 2004 г. в Казани. Его непосредственными организаторами были Казанский государственный университет и Академия наук Республики Татарстан. Симпозиум прошел в год 200-летнего юбилея Казанского государственного университета и был посвящен этой дате. Финансовая поддержка оказана РГНФ (грант № 04-04-14079 з). Тема симпозиума – синтаксические отношения и структура аргументов в языках этой области.

Языки Европы, Северной и Центральной Азии принадлежат к нескольким основным семьям. Крупнейшие из них – индоевропейские, уральские и тюркские языки. Кроме того, местными языками являются тунгусские и палеосибирские языки. В центральной Азии данный регион перекрывается с областью монгольских языков, а в Юго-восточной Азии – с областью сино-тибетских языков. На юге этот регион также граничит с кавказскими языками, а западная часть основной области распространения семитских языков располагается на границе Южной Европы. В ходе исторического развития эта область была местом встречи многочисленных культур и лингвистических черт. В большинстве случаев эта большая область многокультурна и многоязычна, и многие люди, живущие здесь, знают, кроме родного, и другие языки этой области. Среди этих языков индоевропейские наиболее известны, а большинство языков на востоке этой области мало известны даже среди лингвистов. Новые исследования обеспечивают материал для дальнейшего изучения контактов среди этих языков и языковых универсалий. По этой причине статьи по языкам территорий, граничащим с данной областью, также включались в программу симпозиума.

На симпозиуме было заслушано 10 пленарных докладов, принято 74 секционных и 22 стеновых доклада, большинство из которых состоялись. Кроме того, прошел отдельный семинар “Татарский язык в современных условиях”, на котором было заслушано 11 сообщений. Тезисы принятых докладов опубликованы и доступны через Интернет. Высокий научный уровень симпозиума обеспечен работой представительного международного программного комитета во главе с Бернаром Комри и Пиркко Суйхконен.

В.Д. Соловьев, Казань 2008.

Казанский государственный университет
Российский научно-образовательный центр по лингвистике
им. И. А. Бодуэна де Куртенэ

Типология
аргументной структуры
и синтаксических отношений

Труды международного симпозиума
LENCA-2
Казань, 11–14 мая 2004 г.

Издательство
Казанского государственного университета
2008

ПРЕДИКАТНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ, СОСТАВ УЧАСТИКОВ СОБЫТИЯ И ЕГО ОБРАТИМОСТЬ¹

А.Б.Шлуинский

Институт языкоznания Российской академии наук

акциональность, аспект, предикатная множественность, глагольная группа, теория события

В настоящей работе рассматривается взаимодействие семантики множественности события (предикатной множественности), тождества участников события и акциональных свойств глагола. Всякое событие, как оно представлено в естественном языке, характеризуется, во-первых, набором участников, а во-вторых, онтологическими свойствами, которые в естественном языке находят свое отражение в виде акциональной таксономии естественноязыковых предикатов. Различные аспектуальные категории, к числу которых относятся и категории предикатной множественности, вступают в тесное взаимодействие с акциональной семантикой глагола; значение, выражаемое аспектуальной формой определенного глагола, является результатом этого взаимодействия.

Изучение соотношения акциональных свойств глагола и состава его актантов активно ведется в рамках разработки единой теории события ([Rappaport Hovav, Levin 1998], [Kiparsky 2002], [Падучева 2004] и мн. др.). Цель настоящей статьи – выяснить, какие связи между семантическими свойствами события и семантическими свойствами его участников могут быть обнаружены в контексте аспектуальных значений предикатной множественности.

Всякое частное значение, относящееся к сфере предикатной множественности, в той или иной мере «заявлено» на то, что «случается» с участниками описываемого события по мере его развития; для ряда событий вообще принципиально невозможно их повторение с тем же набором участников, с каким оно имело место ранее². И хотя противопоставление множественности событий, связанной с

множественностью участников, и «самостоятельной» множественности событий, как правило рассматриваются отдельно (например, в [Чеснокова 1983] вообще как независимые семантические параметры предлагаются множество самих действий, множество производителей действия и «количественная неопределенность объектов»), невозможно не учитывать то обстоятельство, что множественный участник автоматически предполагает множественное событие и, наоборот, множественное событие естественно допускает множественного участника. В настоящей работе мы эксплицируем ту семантику предиката, за счет которой множественный участник оказывается для множественного события единственным возможным и сделаем предварительные обобщения о том, как себя ведут в этих случаях показатели предикатной множественности.

1. «Итеративный» и «дистрибутивный» типы предикатной множественности и их совмещение в семантике одного показателя

Предикатная множественность не представляет собой атомарное значение, а образует обширную семантическую зону (обзор частных значений, принадлежащих к семантической зоне предикатной множественности см. в [Dressler 1968], [Cusic 1981], [Храковский 1989], [Шлуинский 2006]). В основных работах, касающихся количественных предикатных значений ([Dressler 1968: 62-74], [Храковский 1989: 22-50], [Долинина 1996: 232-245], а также [Lasersohn 1995: 249]), в той или иной формулировке представлено противопоставление «итеративного» и «дистрибутивного» типов предикатной множественности в качестве верхнего деления в классификации предикатномножественных значений. «Итеративный» тип в широком смысле слова включает в себя собственно «итеративный» тип, предполагающий многократное наступление отдельных ситуаций, и «мультипликативный» тип, в случае которого имеет место единая ситуация, состоящая из повторяющихся квантов; в настоящей работе, однако, существенно то общее, что есть между этими двумя случаями.

Предикатная множественность «итеративного» типа не предполагает никаких изменений в предикатно-аргументной структуре предложения по отношению к описанию единичного события; в этом случае имеет место повторение события или кванта события с тождественным набором участников. Так, например, и в предложении (1а), где речь идет о единичном наступлении события ‘быть’, и в предложении (1б), где речь идет о его регулярном наступлении, состав участников одинаков. Предикатная множественность «дистрибутивного» типа, напротив, предполагает, что в событии при каждом следующем его наступлении задействован новый участник, что является семантическим изменением в предикатно-аргументной структуре по отношению к единичному событию. Так, например, в (2б), в отличие от (2а), представлена приставка *по-*, имеющая дистрибутивное значение, и множественный участник *сыновей*; единичный участник в соответствующей синтаксической позиции данного предложения, имеющего показатель дистрибутива, невозможен, ср. неприемлемое предложение (2в):

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №05-06-80258а. Используемый в статье ненецкий языковой материал собран в рамках полевой работы Ненецкой лингвистической экспедиции 2003 г. филологического факультета МГУ при поддержке гранта РГНФ №03-04-18005с; чувашские примеры собраны в рамках Чувашской лингвистической экспедиции 2001 г. филологического факультета МГУ при поддержке гранта РГНФ №01-04-18029с.

² Более того, в некотором философском смысле можно сказать, что вообще невозможно никакое повторение события с *теми же* участниками, с какими оно имело место ранее, потому что к моменту следующего осуществления события всякий участник становится в некоторой степени *другим*; одним из различий, что существенно, является приобретенный (или увеличенный) опыт участия, собственно, в этом событии и подобных ему. Язык, как правило, эти различия игнорирует, однако всякое утверждение о тождестве участников двух событий оказывается, таким образом, некоторым отгрублением дела. Более подробно эта семантическая проблема, восходящая к гераклитовскому «Нельзя войти в одну реку дважды», и ее решение в естественном языке разбирается в [Wichmann 1992: 126-127].

- (1) a. Иван ударил Петра.
 б. Иван каждый день бьет Петра.
- (2) a. У этой женщины избили сына.
 б. У всех женщин поизбивали сыновей.
 в. *У этой женщины поизбивали сына.

Часто показанное семантическое изменение в предикатно-аргументной структуре, сопровождающее «дистрибутивный» тип предикатной множественности и состоящее в том, что один из участников события становится семантически множественным, сопровождается синтаксическими преобразованиями, это изменение отражающимися. Так, например, (3б), являясь дистрибутивной модификацией (3а) содержит вместо стандартной объектной именной группы в винительном падеже предложную группу с предлогом *по*, имеющим дистрибутивное значение. Русская конструкция, представленная в (3б) будет рассмотрена более подробно в разделе 3.

- (3) a. Мальчик дал девочке яблоко.
 б. Мальчик дал девочкам по яблоку.

Противопоставление «итеративной» и «дистрибутивной» предикатной множественности в определенном смысле предполагает, что если в некотором языке имеются специализированные средства для выражения значений предикатной множественности, то это либо специализированный показатель «итеративной» множественности, либо специализированный показатель «дистрибутивной» множественности, либо различные показатели для обоих типов. В частности, как правило, о показателях хабитуалиса считается, что они являются «чистым» воплощением «итеративного» типа, а о дистрибутивных показателях типа представленной в (3б) приставки *по-* (или более грамматикализованных ее аналогах) – что они являются «чистыми» показателями «дистрибутивного» типа. Не ставя под сомнение существование в языках мира «чистых» показателей того или иного типа³, следует обратить внимание на тот факт, что языковой материал, показывающий сочетание «итеративного» и «дистрибутивного» типа в одном показателе, весьма и весьма богат.

В качестве примера можно привести «мультипликативный» суффикс –*дя/-де-* в эвенкийском языке (см. [Недялков, Сверчкова 1989]). Этот показатель используется как для образования мультипликатива (4б) от глагола, описывающего единичный квант мультипликативного события (4а), так и для образо-

вания дистрибутива (5б) от глагола, описывающего наступление ситуации, повторение которой естественного предполагает участие нового индивида. Если в (4б), как и в (4а) единственный участник остается единственным, то в (5б), в отличие от (5а), второй участник, с семантической точки зрения, становится множественным: при каждом новом повторении ситуации ‘вешать’ в ней задействован новый участник ‘мясо’:

Эвенкийский

- (4) a. нүчан микчан-ча-н.
 он прыгнуть-PST-3SG⁴
 Он прыгнул.
- б. нүчан микчан-де-ча-н.
 он прыгнуть-MULT-PST-3SG
 Он прыгал [Недялков, Сверчкова 1989: 66].
- (5) a. нүчан уллэ-вэ лован-чэ-н.
 он мясо-ACC вешать-PST-3SG
 Он повесил мясо.
- б. нүчан уллэ-вэ лован-де-чэ-н.
 он мясо-ACC вешать-MULT-PST-3SG
 Он развесил мясо [Недялков, Сверчкова 1989: 68].

Другим примером, иллюстрирующим полисемию предикатно-множественных значений «итеративного» типа и «дистрибутивного» могут служить венгерские Фреквентативы с суффиксом *-ál/-állâ-*, имеющие как значение итерации события (6а) в одних случаях, так и широкий спектр дистрибутивных значений (6б) в других:

Венгерский

- (6) a. árvест-it
 идти(о дожде)-INF
 árvast-állâ-t
 идти(о дожде)-FREQ-INF
идти (о дожде) неоднократно
 [Schlachter 1966: 74]
- б. doaggje-t
 ломать-INF
 doaggj-ál-it
 ломать-FREQ-INF
 1. разламывать на много частей
 2. ломать во многих местах
 3. ломать (о нескольких лицах, каждое из которых ломает свой предмет)
 [Schlachter 1966: 74].

³ Заметим притом, что вопрос о существовании собственно «итеративных» (не «мультипликативных») показателей предикатной множественности, вообще не допускающих никакие дистрибутивные контексты, остается, тем не менее, открытым. Рассмотренный нами в типологическом исследовании [Шлуинский 2006] материал показывает, что употребление показателей хабитуалиса для описания ситуаций, при повторении которых некоторый участник каждый раз является «новым», является нормальным и закономерным. В [Храковский 1989: 41] указывается, что предложений типа *Каждый год сосед покупает себе новый костюм* имеет место концептуальное тождество второго участника, однако требуются специальные свидетельства в пользу того, что в таких случаях фактическое множество участников, соответствующее множеству реализаций события, действительно игнорируется во всяком естественном языке.

⁴ При гlosсировании примеров используются следующие сокращения: 3 – 3 лицо, s – субъектный тип спряжения, ACC – аккузатив, CONV – деепричастие, FREQ – Фреквентатив, INF – инфинитив, ITER – Итератив, LOC – локатив, MULT – Мультипликатив, PL – множественное число, PROL – пролатив, PST – прошедшее время, SG – единственное число.

Таким образом, противопоставление между «итеративным» и «дистрибутивным» типами предикатной множественности имеет сугубо семантический характер и не отражает непосредственно средства для выражения соответствующих значений в естественных языках. Поскольку, как мы показали, совмещение «итеративной» и «дистрибутивной» предикатной множественности в семантике одного и того же языкового средства имеют место регулярно, возникает вопрос о том, какова их дистрибуция; иными словами, какими свойствами должна обладать глагольная лексема и описываемое ей событие, чтобы оказывалось необходимым изменение состава участников этого события в случае его неоднократного осуществления? Ниже на материале ненецкого и русского языков мы проследим определенные закономерности, дающие предварительный ответ на этот вопрос.

2. Фреквентатив в ненецком языке и смена модели управления глагола

Одним из показательных примеров совмещения «итеративного» и «дистрибутивного» типов предикатной множественности является Фреквентатив (для наименования ненецких аспектуальных показателей мы пользуемся терминами [Salminen 1997]) в тундровом ненецком языке, образующийся при помощи показателя *-or-*. Если глагол, к которому прибавляется этот показатель, является одноместным, то предикатная множественность однозначно относится к «итеративному» типу (ср. (7а-б)). Если же глагол является двухместным, то возможен как «итеративный» типа предикатной множественности (8б), так и «дистрибутивный» (9б). (8б) описывает повторение события с постоянным набором участников, тождественным единичному его наступлению, описываемому в (8а), а регулярное осуществление события в (9б) предполагает вовлечение при каждом его наступлении нового участника. Имеющееся между (8б) и (9б) различие в семантическом типе сопровождается синтаксическим различием в строении глагольной группы. Если Фреквентатив от глагола *latra-* ‘прищемить’, представленный в (8б) сохраняет модель управления исходного глагола и присоединяет объект в винительном падеже, то Фреквентатив от глагола *raŋgal-* ‘сплести’, представленный в (9б), напротив, меняет модель управления исходного глагола и замещает объектную именную группу в винительном падеже на именную группу в Пролативе множественного числа (см. подробнее о модели управления типа (9б) [Терещенко 1956: 118]); присоединение аккузативного объекта для Фреквентатива, образованного от этого глагола, невозможно (ср. неграмматичный пример (9в)):

Тундровый ненецкий, малоземельский говор

- (7) a. wan'a xarda-xonanda xaj'i.
Ваня дом-3SG.LOC.SG оставаться.3SGs
Ваня остался (у себя) дома.

6. wan'a xusuwej jal'a xarda-xonanda xaj'-ur-ja.
Ваня каждый день дом-3SG.LOC.SG оставаться-FREQ-3SGs
Ваня каждый день остается (у себя) дома.

- (8) a. wan'ajuda-mda latra.
Ваня рука-3SG.ACC.SG прищемить.3SGs
Ваня прищемил руку.

6. wan'axusuwej jal'a ḥuda-mda latr-or-ja.
Ваня каждый день рука-3SG.ACC.SG прищемить-FREQ-3SGs
Ваня каждый день прищемляет руку.

- (9) a. was'a tiŋz'a-m? pangal-ja.
Вася сеть-ACC.SG плести-FREQ-3SGs
Вася сплел сеть.

- b. was'a tiŋz'a-7mna pangal-or-ja.
Вася сеть-PROL.PL плести-FREQ-3SGs
Вася (профессионально) плетет сети.

- b. *was'a tiŋz'a-m? pangal-or-ja.
Вася сеть-ACC.SG плести-FREQ-3SGs

Анализ нашего ненецкого материала показывает, что показанное синтаксическое различие между примерами типа (8б) и типа (9б) и коррелирующее с ним различие в семантическом типе предикатной множественности отражает различие в лексической семантике глаголов, употребленных в этих предложениях. Ситуация, описываемая глаголом *latra-* ‘прищемить’, допускает естественное многократное повторение с тем же участником (и, более того, повторение с участием каждый раз нового второго участника было бы для этой ситуации неестественно). Напротив, ситуация, описываемая глаголом *pangal-* ‘сплести’, допускает повторение лишь с участием нового второго участника, а повторение ситуации с тем же участником трактуется языком как невозможное, являясь невозможным и в реальном мире: одна и та же сеть ни при каких обстоятельствах не может быть многократно сплетена. Невозможность повторения события с тем же составом участников, очевидно, входит в лексическую семантику соответствующей глагольной лексемы и связана с тем, что последствия этого события необратимы. Результат, достигаемый событием ‘сплести’, не может быть отменен, тогда как это было бы необходимо для его воспроизведения с тем же составом участников.

3. Конструкция с предлогом *по* в русском языке

Сходную с ненецкой Пролативной моделью управления, маркирующей дистрибутивность, модель имеет и русский язык: конструкция с предлогом *по*, как в приведенном выше примере (3б), «замещающая» объектную именную

группу⁵, имеет приблизительно то же значение⁶. Носители русского языка различаются в том, как они оценивают грамматичность нижеследующих примеров; во всяком случае, не всеми носителями свободно допускается объект в винительном падеже, когда повторение события с фиксированным составом участников маркировано в языке как невозможное⁷. Это имеет место в тех случаях, когда участник в ходе события уничтожается (как в примерах (10)-(11)), когда участник в ходе события появляется (как в примерах (12)-(13)), а также когда участник в ходе события изменяет некоторый, существенный для говорящих онтологический статус (как в примере (14)). Очевидно, что первые два случая, исчезновение либо появление участника, являются наиболее типичными частными случаями третьего – смены онтологического статуса⁸:

- (10) *Ребенок каждый день ест яблоко /OK по яблоку.*
- (11) *Ланцелот каждый день убивает дракона /OK по дракону.*
- (12) *Бабушка каждый день вяжет шапочку /OK по шапочке.*
- (13) *Маша каждый год рожает ребенка /OK по ребенку.*
- (14) *Священник каждый день отпевает покойника /OK по покойнику.*

Как уже было сказано, среди носителей русского языка обнаружены колебания относительно приемлемости вариантов предложений (10)-(14), помеченных знаком *?* . Однако если такие предложения приемлемы, то они приемлемы в следующих случаях (а)-(в).

а) Предложение, несмотря на семантическую идиосинкритичность, описывает «странный» повтор события с одним и тем же участником (как, например, если (11) имеет интерпретацию ‘Ланцелот каждый день убивает дракона, а ночью дракон опять оживает’). Такая интерпретация принципиально возможна для любого из этих предложений, но притом является очевидной семантической аномалией, требующей допущений о реализации заведомо нереализуемых условий⁹. При описании лексической семантики употребленных в (10)-(14) глаголов наиболее естественно считать такую интерпретацию невозможной.

⁵ Мы намеренно не обсуждаем здесь вопрос о синтаксическом статусе предложной группы с *по*.

⁶ Семантические ограничения на употребление этой конструкции подробно рассматриваются в [Кузнецова 2005]. В настоящем разделе рассматривается иная группа ограничений – необходимость (хотя бы для части носителей) употребления конструкции с предлогом *по*.

⁷ Разумеется, язык воспринимает повторение некоторого события с теми же участниками как невозможное в тех случаях, когда оно невероятно и в действительности. Наблюдение о том, что «некоторые глаголы обозначают событие, которое не допускает повторения с одним и тем же участником», формулируется в [Падучева 1996: 27], ср. обсуждаемый в этой работе взятый из [Гловинская 1982] пример *Раньше женщины старели к сорока годам* и его аномальную модификацию **Раньше эта женщина старела к сорока годам*.

⁸ Более того, физическая смерть живого участника, как в примере (11), также не является в прямом смысле слова его исчезновением.

⁹ Ясно, конечно, что выполнимость этих условий для «разумной» интерпретации каждого из этих предложений, разная. Так, чтобы стало возможным предложение (14), вполне достаточно предположить, что в течение достаточно длительного срока имеет систематическое недоразумение; (11) становится допустимым в том случае, если речь идет о сказочном персонаже, способном к регулярному воскресению из мертвых, что сравнительно легко представимо; (12) вполне допустимо, если представить, что бабушка, субъект ситуации, связав шапочку, ее распускает на нитки, а потом вяжет ее заново точно такую же (в этом случае, однако, под сомнением тождество второго участника); задать же условия, делающие возможными предложения (10) и (13), уже гораздо сложнее, что, тем не менее, не исключает такую возможность. Известно, что часто запрет на лексическую сочетаемость имеет относительный характер (см., в частности, [Рахилина 2000: 7-22]); потому при использовании

б) Лексическое значение употребленных в такого рода предложениях глагольных лексем подвергается реинтерпретации, в результате чего предложение описывает событие, воспринимаемое как длительное (как, например, если (10) имеет значение ‘Ребенок каждый день откусывает от яблока по кусочку’) либо имеет многократную «конативную» интерпретацию, соответствующую регулярно предпринимаемым безуспешным попыткам достичь предела соответствующего события (как, например, если (11) имеет значение ‘Ланцелот каждый день пытается убить дракона, но у него это не получается’). Такая интерпретация, хотя и не является основной, не аномальна, однако она «заменяет» предельную ситуацию непредельной, что согласуется со сформулированным ниже наблюдением о том, что проблематичным повторение с тождественным набором участников может быть только для предельного события.

в) Предложение описывает такое повторение события, при котором каждый раз в нем присутствует новый участник (как если, например, (10) интерпретируется как ‘Ребенок каждый день ест «новое» яблоко’). Данная интерпретация, безусловно, является наиболее естественной. Однако в этом случае объектная именная группа имеет неопределенный референциальный статус, а предикатная множественность семантически относится к дистрибутивному типу. Иными словами, для носителей русского языка, полностью допускающих предложения (10)-(14), помеченные знаком *?* в значении (в), дистрибутивная интерпретация не требует обязательного синтаксического преобразования с заменой аккузативной именной группы на предложную группу с *по*. Семантическая же проблематичность повтора события с одними и теми же участниками в этом случае, естественно, никак не снимается.

Таким образом, ни при каких обстоятельствах, предложения, (10)-(14), возглавляемые предикатами, описывающими необратимые события, не могут соотноситься с повторением предельной ситуации с фиксированным составом участников. Можно сделать несколько замечаний, касающихся свойств продемонстрированных «запрещенных» повторов события «литеративного» типа.

Во-первых, существенно, что проблематичным повторение события с одним и тем же набором участников может быть только в том случае, когда событие является предельным. В частности, предложения типа приведенных выше в (10)-(14), если вынести за скобки их интерпретацию (б), описывают регулярное осуществление некоторого предельного события с обязательным достижением предела. Предложения же типа (15), описывающие регулярное наступление события с одними и теми же участниками, никогда не бывают затруднены:

- (15) *Иван каждый день целует девушку.*

Указанное ограничение вполне предсказуемо. Если, как было установлено, проблема точного воспроизведения события связана с необратимой сменой некоторого онтологического статуса его участника, то, очевидно, что она может

лексической сочетаемости как инструмента для исследования семантики, под запретом на эту сочетаемость, как правило, понимается запрет в «нормальном» контексте, когда речь идет о «нормальных» объектах и событиях соответствующих онтологических классов.

встать только в том случае, если эта смена статуса действительно произошла, для чего, в свою очередь, необходимо, чтобы событие достигло естественного предела. Кроме того, вообще наличие единичного объекта как таковое во многих (но не во всех, ср. (15)) случаях «делает» событие предельным.

Во-вторых, можно заметить, что асимметрично относительно запрета на итерацию участия в некотором событии ведут себя кумулятивные и квантованные (в терминах [Krifka 1992]) участники. Не вдаваясь в детали, следует пояснить, что кумулятивной является такая сущность, каждая часть которой может быть названа так же, как и вся сущность в целом, а квантованной – такая сущность, которая, напротив, исключает такую возможность; применительно к объектам, соответствующим существительным в единственном числе, противопоставление кумулятивных vs. квантованных индивидов с некоторыми оговорками аналогично традиционному противопоставлению неисчисляемых vs. исчисляемых существительных. Предложение, описывающее событие, второй участник которого является кумулятивным, не допускает проиллюстрированного в (10)-(14) синтаксического преобразования, «заменяющего» аккузативную именную группу предложной группой с предлогом *по*, и, напротив, свободно допускает эту именную группу. Предложение (16) отличается от предложения (10) тем и только тем, что в нем квантованный участник *яблоко* заменен на кумулятивного участника *кашу*; такая замена делает безусловно грамматичным прямое дополнение *кашу* в винительном падеже и практически невозможной его замену на предложную группу *по каше*¹⁰:

(16) *Ребенок каждый день ест кашу / ??? по каше.*

Множественный участник, как и участник, называемый неисчисляемым существительным, является кумулятивным. При замене в предложении (10) именной группы *яблоко* в единственном числе на именную группу *яблоки* во множественном числе, употребление этой именной группы в винительном падеже, а не в составе послеложной группы становится единственно возможным:

(17) *Ребенок каждый день ест яблоки / *по яблокам.*

Замечание, касающееся квантованности участника, тесно связано с замечанием относительно предельности события. Как показано, в частности, в [Krifka 1992], одно из существенных свойств аспектуальной композиции (то есть зависимости акциональных свойств глагола от свойств участников описываемого события) состоит в том, что кумулятивный участник как таковой является одним из семантических источников непредельности ситуации¹¹. Связано

но это с тем, что участие квантованного участника во многих ситуациях естественно ограничено по времени, тогда как временной предел участия в той же ситуации кумулятивного участника принципиально никак не ограничен. Более того, в некотором смысле можно сказать, что язык воспринимает все множество кумулятивных индивидов какого-то онтологического класса как некую единую сущность (все в мире яблоки образуют в каком-то смысле единую сущность *яблоки*, а вся в мире каша образует в каком-то смысле единую сущность *каша*), что невозможно утверждать для квантованных индивидов типа *яблоко* или *ребенок*. Поскольку такого рода единая сущность представляется как бы неограниченной, ее участие в некотором событии становится в общем случае лишенным естественного предела. Надо притом оговорить, что указанное семантическое свойство кумулятивных индивидов делает затруднительным и диалектическим ответ на вопрос о том, имеет ли место, в частности, в (16) и в (17) повторение события с тем же участником или с другим. С одной стороны, очевидно, что ребенок, первый участник этого события, физически каждый день съедает «новую» кашу или «новые» яблоки, а не те же самые, что и накануне; с другой стороны, каждая вновь съедаемая каша и каждые вновь съедаемые яблоки являются частным проявлением единой сущности *каша* или *яблоки*, которая регулярно участвует в событии, оставаясь тождественной самой себе. Такого рода двойственность по крайней мере дает возможность говорить о том, что в случае с кумулятивным участником его тождество при итерации существенно больше, чем в случае с квантованным. Более сильное утверждение состоит в том, что с языковой точки зрения в этом случае имеет место именно концептуальное тождество участника, несмотря на то, что с «материальной» точки зрения, тождество отсутствует. Указанного тождества русскому языку достаточно для того, чтобы было невозможным синтаксическое оформление предложения, описывающего повторение события с таким участником, при помощи дистрибутивной конструкции; следует, однако, специально оговорить, что имеющая место в русском языке универсальность восприятия кумулятивного участника события как всегда тождественного самому себе, требует проверки на обширном типологическом материале.

В-третьих, можно показать, что асимметричны в отношении субъектной vs. объектной синтаксической позиции участника, меняющего в ходе события свой онтологический статус. Если смена статуса происходит с участником, занимающим в русском языке синтаксическую позицию подлежащего, то, с одной стороны, предложение в целом становится менее грамматичным, чем помеченные¹² варианты (10)-(14), а с другой стороны, дистрибутивная интерпретация таких предложений становится значительно менее естественной:

(18) ¹²У нас каждый день умирает сосед.

- a) «Сосед каждый день умирает и воскресает».
- b) «Сосед каждый день бывает при смерти, но выживает».
- c) ???«Каждый день умирает «новый» сосед».

¹⁰ Предложение *Ребенок каждый день ест по каше*, помеченное здесь знаком ??? становится допустимым в том случае, если интерпретируется как 'Ребенок каждый день пробует по новому сорту каши' либо, что менее вероятно, 'Ребенок каждый день съедает по некоторой стандартной порции каши'. В обоих случаях объект *каши* «искусственным способом» перестает быть кумулятивным и становится квантованным, что и создает возможность для произнесения такого предложения.

¹¹ Более того, М. Крифка ([Krifka 1992]) вообще предлагает рассматривать непредельный предикат как кумулятивный, а предельный как квантованный. Кумулятивность/квантованность предиката оказывается, таким образом, семантически «согласованной» с кумулятивностью/квантованностью участника.

(19) [?]У нас на кафедре каждый месяц защищается аспирант.

а) [?]Аспирант каждый месяц защищается, но потом ВАК лишает егоученой степени'.

б) [?]Аспирант каждый месяц пробует защититься, но не проходит защиту'.

в) ^{??}Каждый месяц защищается «новый» аспирант'.

Предложения (18)-(19) воспринимаются как более аномальные, чем предложения (10)-(14), и связано это с тем, что дистрибутивная интерпретация, прагматически наиболее естественная, для (18)-(19) является наиболее сомнительной. Иначе говоря, если имеет место повторение события, описываемого (18) или (19), с участием при каждом новом его осуществлении нового участника, как в (20)-(21), предложная группа с *по* является значительно более обязательной¹², чем выше в (10)-(14):

(20) У нас каждый день умирает по соседу.

(21) У нас на кафедре каждый месяц защищается по аспиранту.

Указанное асимметричное поведение участников, занимающих синтаксические позиции подлежащего и дополнения естественно связать со структурными синтаксическими различиями, которые, в свою очередь отражают разницу в семантике между т. н. «внешним» и «внутренним» аргументами предиката (см., например, [Williams 1980]). Именно в силу того, что «внутренний» аргумент теснее связан с лексической семантикой глагола, для него более естественно допускать интерпретацию этого аргумента как дистрибутивного в том случае, если необратимость результирующего состояния вступает в конфликт со значением многократности.

Таким образом, оказывается, что существует грамматически значимый особый тип «необратимых» событий, не способных к повторению с тем же набором участников, потому что невозможна отмена достигнутого после осуществления события результирующего состояния. Такое событие «обязано» быть предельным, а «проблемный» участник, не способный к повторному участию в ситуации, «обязан» быть квантованным. Существенное влияние на грамматические последствия таких семантических свойств оказывает то, «внешним» или «внутренним» аргументом глагола является этот участник, но в обоих случаях такие семантические свойства описываемой ситуации накладывают существенные ограничения на грамматическую приемлемость.

4. Необратимые события и показатели «аннулированного результата»

Можно показать, что возможность «отменить» результирующее состояние, возникающее после достижения событием естественного предела, оказы-

¹² Это, тем не менее, не распространяется на субъектную именную группу с эксплицитно маркированным неопределенным референциальным статусом, ср. У нас на кафедре каждый день защищается какой-нибудь аспирант. Но кванторные местоимения, в частности, какой-нибудь, вообще практически не допускают использования дистрибутивной конструкции (ср. ^{??}У нас на кафедре каждый день защищается по какому-нибудь аспиранту. ^{??}Ребенок каждый день ест по какому-нибудь яблоку), что говорит о том, что их синтаксические и семантические свойства вообще следует рассматривать отдельно.

вается значимой и в другой области грамматики. Показатели «аннулированного результата» (ср. [Плунгян 2001: 69]), значение которых состоит в том, что после достижения ситуацией внутреннего предела полученное результирующее состояние аннулируется, в нормальном случае не сочетаются с предикатами, описывающими ситуацию, имеющую «необратимый результат». В качестве примера можно привести употребление в значении аннулированного результата чувашского вспомогательного глагола *il-* (этимологически ‘брать’) с более общим аттенуативным значением. Если глагольная лексема относится к числу предельных глаголов, то конструкция со вспомогательным глаголом имеет значение аннулированного результата: описывается ограниченное во времени и впоследствии отмененное результирующее состояние. В частности, (22) иллюстрирует употребление в данной конструкции предельного глагола *kil-* ‘приходить’:

Чувашский, низовой диалект

(22)	van'uk	kil-se	il-č-ě.
	Ваня	приходить-CONV	брать-PST-3
	Ваня	пришел и опять ушел.	

Однако употребление в той же конструкции глагола *vil-* ‘умирать’, также являющегося предельным, семантически аномально (23)¹³:

(23)	?? van'uk	vil-se	il-č-ě.
	Ваня	умирать-CONV	брать-PST-3
	Ваня	умер и опять ожил.	

Аномальность предложения (23) в той же степени, что и аномальность предложений (18)-(19) связана с тем, что участник описываемого события по достижении им внутреннего предела меняет свой онтологический статус, после чего результирующее состояние становится необратимым, а потому не может быть аннулировано. Таким образом, возможность отменить последствия некоторого события, как и возможность повторить это событие с тем же составом участников, связаны с одним и тем же семантическим параметром – обратимостью ситуации.

5. Свойства результата как дополнительный параметр акциональной классификации

Проиллюстрированные выше семантические запреты на сочетание глагола с показателями (или контекстами) предикатной множественности и с показателями аннулированного результата, говорит о том, что акциональная классификация глаголов должна учитывать дополнительный параметр «устойчивости» достижаемого результата. Акционный класс глаголов (в литературе представлены самые различные термины для этого понятия) – это класс глаго-

¹³ По свидетельству наших информантов, предложение (23) в порядке языковой игры может быть употреблено о человеке, перенесшем клиническую смерть (но не о Христе, воскреснувшем из мертвых). Такие употребления, однако, лишь подчеркивают семантическую аномальность: сам факт того, что предложение воспринимается как «игровое», говорит о том, что, вообще говоря, оно неприменимо.

лов, характеризующихся сходным семантическим взаимодействием с аспектуальными категориями, в первую очередь – категорией «собственно вида» (противопоставляющей перфектив vs. имперфектив); см. подробнее классическую работу [Vendler 1957] и более новые [Smith 1991/1997], [Tatevosov 2002] и многие другие. К настоящему моменту существует множество вариантов построения такого рода акциональной классификации и методик ее построения, однако, как правило, все они ориентированы в первую очередь на понятие предельности; то, что «случается» после достижения ситуацией внутреннего предела, не принято относить к ведению акционального значения глагольной лексемы, описывающей данную ситуацию¹⁴. Тем не менее, рассмотренный выше материал показывает, что некоторые семантические особенности результирующего состояния, связанные с особенностями самого достижения предела, нетривиально взаимодействуют с семантикой ряда аспектуальных показателей.

«Свойства результата» как периферийный параметр акциональной классификации должны включать как минимум три различных акциональных значения. Первым (и наиболее стандартным) значением следует считать значение обратимого результата; обратимым, по крайней мере в русском языке¹⁵, является результирующее состояние 'придти', 'открыть', 'встать' и т.п. Вторым значением является рассмотренное нами значение необратимого результата; необратимым является результат ситуаций 'умереть', 'съесть', 'родить' и т.п. Третье значение может быть обнаружено у предельных глаголов, которые описывают достижение ситуацией внутреннего предела, вообще говоря, не предполагающее никакого «специфического» результирующего состояния. Такое значение можно было бы назвать «несущественным» результатом; несущественным результатом является, например, то, что имеет место по достижении внутреннего предела ситуацией 'прыгнуть'.

Подобно тому как сочетаемость с обстоятельствами типа 'за время X' и 'в течение времени X' является стандартным и классическим ([Vendler 1957]) тестом на предельность/непредельность ситуации, тестом, эксплицирующим акциональные свойства результата ситуации может служить сочетаемость с обстоятельством типа 'на время X'. Очевидно приемлемым является предложение (24), содержащее глагольную лексему со значением обратимого результата, и столь же очевидно неприемлемым – предложение (25)¹⁶, где в значение глагола входит необратимый результат:

¹⁴ Нельзя не признать, что в принципе такая традиция имеет самые естественные основания. «Рассмотрение» в рамках одной и той же глагольной лексемы наступления предела и подготовительной процессуальной фазы либо наступления предела и последующей стативной фазы засвидетельствовано регулярно в самых разных языках мира; комбинация же фаз состояния (и тем более, результирующего состояния) и фазы выхода из этого состояния типологически нехарактерна.

¹⁵ Очевидно, что, как и в случае «основной» акциональности, «свойства результата» глаголов с одним и тем же конкретным лексическим значением в разных языках в редких случаях совпадают.

¹⁶ Разумеется, предложение (25), как и чувашское предложение (23) допустимо в порядке языковой игры (о человеке, в течение двух дней находившемся в состоянии клинической смерти, либо о мистификации или недоразумении, когда через два дня выясняется, что человек, признанный умершим, жив). Характерно, что не менее (а, возможно, более), чем предложение собственностью 'на время X' с глаголом *умереть*, аномальны и предложения с тем же обстоятельством с глаголом *родиться*, ср.: *Лев Толстой родился в 1828 году на 82 года. Необратимый результат, таким образом, остается необратимым даже в том случае, когда становится в некотором смысле неактуальным (как рождение человека после его смерти).

- (24) Иван пришел на два часа.
 (25) ?? Иван умер на два дня.

Пример (26) иллюстрирует, как, в зависимости от конкретных свойств «одного и того же» события, его результат может быть как обратимым (26a), так и необратимым (26b):

- (26) а. Вася написал на два дня на доске свой телефон (, чтобы его могли найти).
 б. *Вася написал на два дня письмо своей бабушке.

6. Показатели предикатной множественности в контексте необратимых событий

Возвращаясь к предикатной множественности и средствам для выражения значений, относящихся к этой семантической зоне, следует продемонстрировать, что, вообще говоря, разные показатели предикатной множественности в контексте события, имеющего необратимый результат, ведут себя по-разному.

Рассмотренный выше в разделе 2 ненецкий показатель Фреквентатива строго не допускает повторения события с тем же набором участников. Когда необратимость события связана с переменой онтологического статуса объекта, предикатная множественность, оформленная при помощи этого показателя, переходит в дистрибутивный тип с соответствующими синтаксическими преобразованиями, «блокируя» итеративный, как это было показано выше примерами (8б-в). Если же необратимая смена онтологического статуса происходит с субъектом, то сочетание показателя Фреквентатива с соответствующей глагольной лексемой вообще невозможно, ср. (27):

Тундровый ненецкий, малоземельский говор

- (27) *хебер'i х-от-ја.
 человек умереть-FREQ-3SGs

Другой ненецкий показатель итеративного типа предикатной множественности, Итератив, напротив, допускает грамматичное сочетание с глагольной лексемой, описывающей ситуацию, имеющую необратимый результат. При таком сочетании, однако, событие меняет свои онтологические свойства и реинтепретируется как «стандартное» событие с обратимым результатом, ср. (28):

Тундровый ненецкий, малоземельский говор

- (28) ок'wan'a xusuwej jal'a ха-јга.
 Ваня каждый день умереть-ITER.3SGs

Ваня каждый день умирает {об артисте, каждый день выступающем на сцене}.

Наконец, несовершенный вид в русском языке, выступающий в качестве средства для описания множественной ситуации, занимает «промежуточную» позицию между двумя ненецкими показателями: реинтерпретация онтологических свойств события для него возможна, однако является крайне периферийной.

Заключение

Изучение акциональной классификации глагольной лексики до недавнего времени велось преимущественно на основании взаимодействия глаголов с категорией «существенно вида» и на материале ограниченного круга языков. Рассмотрение периферийных аспектуальных категорий (как, в нашем случае, категории предикатной множественности и, частично, аннулированного результата) и – одновременно – привлечение более широкого языкового материала и погружение материала исследованных ранее языков в типологический контекст позволило обнаружить дополнительные параметры акциональной классификации. Делом будущего остается собственно типологическое изучение взаимодействия результативной семантики события с категорией предикатной множественности, а также поиск «следов» периферийной акциональной классификации в семантике «существенно видовых» категорий.

Литература

Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. / М. Я. Гловинская.- М.: Наука, 1982.

Долинина, И. Б. Количество в сфере предикатов (категория «глагольной множественности»). // Бондарко, А. В. и др. (ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количество. СПб: Наука, 1996.

Кузнецова, Ю. Л. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке. // Арутюнова, Н. Д. (ред.). Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005.

Недялков, И. В., Сверчкова, Ю. Д. Выражение множественности ситуаций в эвенкийском языке. // Храковский, В. С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

Падучева, Е. В. Семантические исследования. / Е. В. Падучева.- М.: Языки русской культуры, 1996.

Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. / Е. В. Падучева.- М.: Языки славянской культуры, 2004.

Плунгян, В. А. Антирезультатив: до и после результата. // Плунгян, В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики: глагольные категории. М., 2001.

Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочленаемость. / Е. В. Рахилина.- М.: Русские словари, 2000.

Терещенко, Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. / Н. М. Терещенко.- М. – Л., 1956.

Храковский, В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация. // Храковский, В. С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.

Чеснокова, Л. Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка. // Вопросы языкоznания, №6, 1983.

Шлуинский, А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны. // Вопросы языкоznания, № 1, 2006.

Cusic, D. Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. / D. Cusic.-Stanford: Stanford University, 1981.

Dressler, W. Studien zur verbalen Pluralität. / W. Dressler.- Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.

Krifka, M. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Construction. // Sag, I.A., Szabolsci, A. (eds.). Lexical Matters. Chicago, 1992.

Kiparsky, P. Event Structure and the Perfect. // Beaver, D. I., Casillas Martinez, L. D., Clark, B. Z., Kaufmann, S. (eds.). The Construction of Meaning. Stanford: CSLI Publications, 2002.

Lasersohn, P. Plurality, Conjunction and Events. / P. Lasersohn Dordrecht/Boston: Kluwer Academic Publishers, 1995.

Rappaport Hovav, M., Levin, B. Building Verb Meanings. // Butt, M., Geuder, W. (eds.). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors. Stanford: CSLI Publications, 1998. Pp. 97-134.

Salminen, T. Tundra Nenets inflection. / T. Salminen.- Helsinki, 1997.

Schlachter, W. Zur Geschichte der Frequentativa im Ungarischen. / W. Schlachter.- Gottingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1966.

Smith, C. The Parameter of Aspect. / C. Smith.- Dordrecht: Kluwer, 1991. 2nd edition, 1997.

Tatevosov, S. The Parameter of Actionality. // Linguistic Typology, vol. 6, 3. 2002.

Vendler, Z. Verbs and Times. // The Philosophical Review 66, 1957.

Wichmann, S. A semantic framework for Azoyú Tlapanec Iterative. // Acta linguistica Hafniensia, vol. 25, 1992. Pp. 125-142.

Williams, E. Predication. // Linguistic Inquiry 11, 1980. Pp. 203-238.